

В. И. Хрисанфов, Н. В. Турыгина

К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА О ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Статья посвящена одному из наиболее спорных вопросов научных исследований по истории русской эмиграции — проблеме определения ее численности. Авторы попытались разобраться в причинах колоссального разброса количественных данных и выявить реальные показатели на примере русской колонии во Франции в 1920–1930-е годы. Были проанализированы различные источники (архивные материалы, эмигрантская периодическая печать, мемуарная литература) и демографические и исторические исследования. Проведенный анализ выявил различные оценки численности русской эмиграции во Франции в пределах 70–400 тыс. человек. На основании сравнительного анализа полученных сведений авторы приходят к выводу, что реальное число русских эмигрантов во Франции в межвоенный период колебалось в границах 70–120 тыс. человек. Вероятной причиной такого разброса цифр авторы считают отсутствие четких параметров, по которым велся подсчет русской эмиграции, будь то сведения полицейских отчетов, эмигрантских организаций или учет выданных нансеновских паспортов. Это обстоятельство обязывает нас скептически относиться как к мемуарам и материалам периодической печати, так и к данным архивов и официальной статистики. И даже выверенные по разным источникам сведения продолжают, к сожалению, носить характер относительных. Библиогр. 56 назв. Табл. 2.

Ключевые слова: русская эмиграция, Франция, межвоенный период, демография, источниковедение.

V. I. Khrisanfov, N. V. Turygina

TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN FRANCE IN THE 1920–1930s

The article is devoted to the estimation of the Russia Abroad, which is one of the most disputable issues of the émigré studies. The authors attempted to reveal the causes of different estimates on the example of the Russian settlement in France in the 1920–1930s. Analysis of different sources (archival data, émigré periodical press, memoirs) and demographic and historical studies showed that the estimates of the population size of the Russian emigration in France varied from 70 to 400 thousand people. Based on the comparative analysis of these data, the authors come to the conclusion that the real number of Russian refugees in France in the interwar period ranged from 70 to 120 thousand people. The probable explanation of such a scatter of data is the absence of precise criteria for estimation: the data of police reports, émigré organizations or the number of given Nansen passports. This case takes natural skepticism not only about memoirs and press, but also about archival data and official statistics, but, unfortunately, even information verified in different sources has the nature of relative truths. Refs 56. Tables 2.

Keywords: Russian emigration, France, interwar period, demography, source studies, émigré studies.

Хрисанфов Валентин Иванович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; khrisanfov-val@rambler.ru

Турыгина Наталья Валерьевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; turyginan@mail.ru

Khrisanfov Valentin I. — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; khrisanfov-val@rambler.ru

Turygina Nataliya V. — post graduate student, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; turyginan@mail.ru

Решение вопроса о численности первой волны русской эмиграции является ключевым при изучении этого феномена во всем его многообразии. Но как ни странно, именно по нему в науке нет единого мнения. И разница исчисляется не единицами, сотнями или несколькими тысячами, а сотнями тысяч человек. Поскольку до сих пор появляются работы, где фигурируют совершенно разные численные показатели, необходимо дать систематический обзор источников и разобраться в причинах такого колоссального разброса данных. Ранее подобный анализ не проводился, и статья, таким образом, отличается новизной и научной ценностью. Авторами статьи предпринята попытка выявить реальные показатели на примере русской колонии во Франции в 1920–1930-х годах.

В 1920–1930-е годы велись подсчеты численности русских эмигрантов в разных странах, проводимые как под эгидой Лиги Наций и Международного Красного Креста, так и при поддержке правительств стран-реципиентов. Результаты этих исследований были опубликованы и до сих пор активно используются как в зарубежной, так и в отечественной историографии [1–6].

Согласно отчетам Американского Красного Креста, опубликованным в ноябре 1920 г., во Франции расселилось 175 тыс. русских эмигрантов. По данным Лиги Наций, обнародованным в августе 1921 г., во Франции, включая территорию Алжира и Туниса, проживало 250 тыс. русских эмигрантов. Более скромные цифры даны в работах П. Е. Ковалевского со ссылкой на официальные материалы: «для 1921 года официальная статистика дает только 31 347, для 1926 г. — 67 218, а максимальная цифра в 71 928 приходится на 1931 год. Перед Второй мировой войной количество русских снижается до 64 тыс.» [7, с. 32]. Близкую цифру приводит Донской атаман, граф М. Н. Граббе в отчете префекту полиции Парижа от 24 января 1941 г. «Русская колония во Франции»: «Можно оценить число русских, проживающих во Франции, цифрой в 65 тыс. человек. Та же цифра фигурировала в прессе накануне войны в 1939 г.» (цитируется в переводе с французского. — *Н. Т.*) [8, л. 16].

Согласно французской переписи населения, к середине 1930-х годов во Франции проживало 91 577 русских беженцев [9, р. 100], при этом, правда, учитывались только лица, имевшие при въезде нансеновские паспорта. То есть данная оценка не учитывает тех, кто приехал по другим документам либо нелегально, а также тех, кто уже получил французское гражданство.

По данным Министерства труда, накануне войны во Франции насчитывалось около 100 тыс. русских беженцев, из них 26 тыс. — в парижском округе [10, с. 352].

Что касается географии расселения русской эмиграции, то вполне естественно, что в Париже и его окрестностях осело большое число русских беженцев, а Париж был политическим и культурным центром Русского Зарубежья. Согласно подсчетам Жана Делага, в 1930 г. в 20 округах Парижа проживало 43 250 русских, а в предместьях еще 9 500 человек [1, р. 19]. Как отмечал известный демограф того времени Жорж Моко, в 1932 г. в департаменте Сены насчитывалось 36 964 русских эмигрантов, в соседнем с ним департаменте Сены и Уазы — 3 503 [5, р. 169]. П. Е. Ковалевский ссылается на официальную статистику 1937 г., согласно которой в Париже проживало 32 915 русских (не натурализованных и не имевших иного подданства), у которых были нансеновские паспорта, и 1582 советских гражданина. Во всем департаменте Сены их было в 1937 г. (последняя полная статистика) 37 579, в соседнем департаменте Сены и Уазы — 4314 [7, с. 33].

Центрами проживания русских эмигрантов стали также Лион, Марсель, Ницца и другие города и поселения французского государства, где наблюдалась нехватка трудовых ресурсов. По той же статистике 1937 г., на которую ссылается П. Е. Ковалевский, в департаменте Приморских Альп (Ницца и окрестности) проживало 4219 русских. Конечно, эти цифры приблизительны. Ярким примером служит положение в Лионе: по официальным данным там проживало 2669 русских, по сведениям городского управления — 1125, а в Русском эмигрантском лионском комитете их было зарегистрировано свыше 5 тыс. [7, с. 33].

Помимо официальной статистики вопрос о численности русских эмигрантов не раз поднимала и периодическая печать тех лет. Так, в декабре 1920 г. корреспондент «Общего дела» сообщал, ссылаясь на английскую газету «Таймс», что на конец 1920 г. во Франции насчитывалось 175 тыс. русских эмигрантов [11]. «Последние известия», однако, ограничивались цифрой в 85 тыс. [12]. Газета «Новый мир», ссылаясь на данные французской прессы, писала, что в 1921 г. во Франции находилось 65 тыс. русских эмигрантов (в том числе в Париже — 25 тыс.) [13]. Эту же цифру — 65 тыс. человек — приводил на 15 июня 1921 г. и «Голос России» [14].

Рижская газета «Новый путь», ссылаясь на швейцарские источники, на этот же период дает цифру в 150 тыс. [15]. Некто Мак Ар. Р. в письме «Русские в Париже», опубликованном в газете «Сегодня», утверждал даже, что только в Париже было зарегистрировано около 135 тыс. «легальных русских», намекая, что была еще и масса нелегальных [16].

По информации газеты «Новый путь», выступавший в Учредительном собрании Латвии министр иностранных дел Мейерабиц сказал, что против принятия Латвии в Лигу Наций была не только Франция, но и находившиеся там «150 тысяч русских эмигрантов» [17].

Белградская газета «Новое время» приводит для сравнения следующие цифры: в 1919 г. русская эмиграция во Франции насчитывала 80 тыс. человек, в 1920 г. — 130 тыс., в 1921 г. их число сократилось до 30 тыс., объясняя это кризисом промышленности во Франции, а в 1922 г. их численность почему-то резко подскочила и снова, по сведениям этой газеты, составила 150 тыс. человек [18]. Причин таких резких скачков численности населения газета не выявляет.

Вопреки утверждениям верхов эмиграции о притоке эмигрантов из России в Париж и манипулированию огромными цифрами, в реальности, как писала газета «Накануне», в 1922 г. в префектуру Парижа явилось 38 983 иностранцев с просьбой о выдаче разрешения на проживание в столице. Их было даже на 17 тыс. меньше, чем в 1921 г. [19]. Даже если представить, что все они — русские, что вряд ли могло быть, это все же не «сотни тысяч», приехавших якобы из Германии, как утверждала русскоязычная пресса. В то же время около 1,5 тыс. иностранцев выселились из Парижа [19].

Эта картина не изменилась и в 1923 г., хотя на страницах ряда газет и появлялись призывы к переезду во Францию в адрес «энергичных и предприимчивых» [20]. Из беседы с генералом Д. И. Потоцким, председателем общества «Техпомощь», вернувшимся из Франции, с корреспондентом белградского «Нового времени», действительно выявился спрос на рабочие руки во Франции. Это объяснялось двумя причинами: ростом французской промышленности и нехваткой французской рабочей силы после Первой мировой войны (демографический спад). По информации

Потоцкого, «одних шоферов — более тысячи русских». На заводах Рено и Ситроен — до 7 тыс. русских рабочих. Задача «Техпомощи» — направлять рабочих для работы в провинцию [21]. К этому времени французское правительство на промышленные и сельскохозяйственные работы пригласило около 4 тыс. русских [22]. На 1 сентября 1923 г. «Трудбюро» было зарегистрировано 7351 человек. Марсельское отделение Земгора за август 1923 г. устроило 7252 человека [23].

В 1924 г. на страницах газеты «Руль» был напечатан доклад о «русском Париже» журналиста Л. Н. Неманова. По его данным, к 1 октября 1924 г. во Франции было зарегистрировано 400 тыс. русских, из них 123 тыс. проживали в Париже, подано 38 тыс. прошений о натурализации. Среди них — русские женщины, находившиеся замужем за французами и имевшие детей, русские, женатые на французских женщинах, русские, дети которых учились во французской школе, лица интеллектуального труда, сельскохозяйственные рабочие и просто рабочие [24]. Совсем другие цифры приводит газета «Парижский вестник» в середине 20-х годов. Ссылаясь на официальные сведения, опубликованные французским правительством, газета называет 92 тыс. русских, проживавших во Франции [25].

Еще в самом начале эмиграции в газете «Голос России» была опубликована статья Д. Денисова «Парижское житье», написанная в ответ на шумиху, поднятую французской прессой по поводу того, что «русские запрудили Париж». Опровергая эти утверждения, автор пишет о 23 тыс. русских, проживавших в столице Франции [26]. По данным газеты «Последние новости», численность русских в Париже на январь 1921 г. составляла около 30 тыс. [27]. «Новый мир», ссылаясь на французские источники, приводит ту же цифру [28]. 30 декабря 1924 г. газета «Последние новости», ссылаясь на французскую прессу, приводила официальные данные об иностранцах в Париже. Из них видно, что всех иностранцев, получивших удостоверение личности, насчитывалось 27 461 человек, из них 18 157 русских. Эту же цифру, только округленную до 30 тыс., газета приводила и в 1925 г. [29].

Косвенным подтверждением того, что никаких сотен тысяч русских эмигрантов в Париже не было, служит заметка в газете «Новое время» (Белград). Корреспондент газеты сообщал из французской столицы: «Если вы хотите увидеть почти всю или большую часть русской колонии в Париже — надо в воскресенье пойти в русскую церковь на рю Дарю» [30]. В мемуарах бывшего эмигранта Александровского также отмечается, что «русский Париж — это несколько десятков тысяч эмигрантов, расселившихся в трущобах 15-го района» [31, с. 160]. Примерно в таком же ключе обобщающий образ «русского Парижа» предстает в рассказе Н. Тэффи «Городок», где она пишет, что «русский Париж — небольшой городишко, насчитывавший не более 30 тыс. жителей» [32]. На наш взгляд, эта цифра наиболее близка к реальности.

Заслуживают более подробного рассмотрения данные о расселении русской эмиграции по городам страны-реципиента, которые появлялись в эмигрантской периодической печати. Главными «большими» газетами французского эмигрантского общества были «Возрождение» и «Последние новости» [31, с. 166]. В 1920–1930-х годах они публиковали информацию о жизни и быте русских колоний, приводя и численные данные (подробнее см. табл. 1–2).

Анализируя динамику изменения численности русских эмигрантов по одним и тем же городам и населенным пунктам, представленным в таблицах, мы наблюдаем снижение численности населения на 30–60%. По сведениям правительственных

Таблица 1. Русские колонии во Франции в середине 1920-х годов

Город	Численность русских эмигрантов на середину 1920-х годов	Источник
Париж	30 000, по другим данным: 43 250	Последние новости. 1921. 12 янв.; Новый мир. 1921. 31 марта; Последние новости. 1925. 5 июня; <i>Delage J. La Russie en exil. Paris: Delagrave, 1930. P. 19.</i>
Лион	5000, по другим данным: 6000–9000	Возрождение. 1925. 4 нояб. Последние новости. 1925. 1 февр.
Виши	500	Возрождение. 1925. 9 сент.
Бельфор	400	Возрождение. 1925. 25 июля.
Аррас	100	Возрождение. 1925. 29 авг.
Тулон	100	Последние новости. 1925. 6 авг.
Кале (Нормандия)	500	Возрождение. 1925. 14 дек.
Монтаржи	800	Возрождение. 1925. 28 нояб.
Сент-Этьен	200	Возрождение. 1925. 28 дек.
Клермон-Ферран	300	Возрождение. 1925. 1 окт.
Имфи	310	Возрождение. 1925. 17 дек.
Тараскон	186	Новое время (Белград). 1923. 25 дек.
Гренобль	500	Возрождение. 1925. 25 дек.; Последние новости. 1927. 10 нояб.
Марсель	3000	Возрождение. 1925. 18 нояб.
Шербур	360	Последние известия (Ревель). 1924. 4 сент.
Амьен	15	Последние новости. 1925. 7 февр.
Южин (Савоя)	1000 рабочих + семьи	Последние новости. 1937. 10 янв.

учреждений Франции, Германии, балканских стран, число русских эмигрантов на 1936–1937 гг. не превышает по всей Европе 150–200 тыс. человек. Во Франции же на 1935 г. Министерство внутренних дел насчитывало не более 72 тыс. человек [33, с. 178].

Таким образом, приведенный материал показывает, что во Франции не могло находиться несколько сот тысяч россиян, даже если в их число включать русских из экспедиционного корпуса периода Первой мировой войны, и русских, перебравшихся во Францию из Германии. По некоторым данным, во Франции летом 1919 г. оставалось еще 14 600 бывших русских солдат экспедиционного корпуса, 30 тыс. бывших военнопленных, а также 9 тыс. русских в Алжире и 15 тыс. в Салониках [34, с. 212]. Как уверяла французская сторона, к июню 1920 г. на родину возвратилось 47 289 русских солдат, а нарком иностранных дел Г.В. Чичерин называл 15 тыс. уехавших [34, с. 213]. Газета «Последние новости» 3 октября 1920 г. сообщала, что из Франции высланы все русские военнопленные, кроме 5 тыс., не пожелавших выехать в Советскую Россию [34, с. 216]. Отвечая на запрос депутата парламента Марселя Кашена, министр иностранных дел Франции в письме от 7 апреля 1921 г. признавал, что 5 тыс. русских солдат остается во Франции (на 2 октября 1920 г.). Они числились по их просьбе в долгосрочном отпуске, с правом пребывания во Франции. Кроме того, имелось 1300 дезертиров. Все они рассматривались французской стороной как иностранцы и могли вернуться на родину, если захотят, но только за свой счет или за счет советской стороны [35–36].

Таблица 2. Русские колонии во Франции в середине 1930-х годов

Город	Численность русских эмигрантов на середину 1930-х годов	Источник
Париж	26 000, по другим данным: 32 915	См. №10 библиогр.; публикация материалов из архива: Archives de la Préfecture de Police, Paris (APP). Cart. BA 1681. Dos. 7023-H (51.343-13-19): Colonie Russe. 27.3.1948; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Доп. вып. Paris: Librairie des cinq continents, 1973. С. 33.
Лион	3000–3500	Последние новости. 1937. 14 февр.
Имфи	200	Часовой. 1931. № 48. С. 29.
Лотарингия	400	Последние новости. 1936. 30 авг.
Гренобль	300	Последние новости. 1937. 29 янв.
Ницца	1500	Последние новости. 1937. 26 апр.
Марсель	1500	Последние новости. 1937. 10 марта.
Аннеси	100	Последние новости. 1937. 23 янв.
Труа	400	Последние новости. 1936. 22 авг.
Кан	20	Последние новости. 1936. 26 сент.
Коломбель (6 км от Кана)	800	Последние новости. 1936. 3 окт.
Бордо	200	Последние новости. 1936. 28 окт.
Департаменты юго-западной Франции	600 рабочих + семьи	Последние новости. 1936. 28 окт.
Южин (Савойя)	300	Последние новости. 1937. 10 янв.
Шампань	80 рабочих + семьи	Последние новости. 1936. 16 окт.
Риу-Перу	60	Последние новости. 1937. 23 янв.
Армантьер	20	Последние новости. 1937. 23 янв.
Риве	20	Последние новости. 1937. 23 янв.
Канны	200	Последние новости. 1937. 29 марта.
Канн-ла-Бокка	310	Последние новости. 1937. 5 апр.

Относительно численности русского населения Франции в издававшейся в годы перестройки мемуарной и научной литературе эмигрантов встречаются самые различные цифры — от близких к реальности до фантастических. При этом подсчет в большинстве случаев ведется в статике. А реально в это время в стране наблюдается относительно большая миграция русских, где-то увеличивается диаспора, где-то уменьшается в одно и то же время. В мемуарах А. Рубакина, со ссылкой на официальные данные, говорится, что в середине 1920-х годов во Франции проживало около 80 тыс. русских, главным образом эмигрантов, хотя, по мнению самого Рубакина, их было «вероятно, больше, так как многие жили нелегально» [37, с. 118]. С. Вербов в своих воспоминаниях писал, что только в Париже было 60–70 тыс. русских эмигрантов [38, с. 244]. Более скромное присутствие во Франции русских эмигрантов подтверждается подсчетами А. Изюмова, историка и бывшего заведующего отделом документов РЗИА, который не включал в это число граждан и русских резидентов лимитрофных государств, — 60–68 тыс. человек [4, р. 54–55].

Один из эмигрантских исследователей и сам представитель первой волны эмиграции П. Ковалевский считал, что данные Международного Красного Креста и других организаций, а именно 400 тыс. русских (он дает данные на 1929 г.), явно преувеличены [7, с. 31]. С этим нельзя не согласиться, тем более, что эта цифра по нашему мнению, основана на сведениях, представленных именно эмигрантскими организациями. А официальную цифру в 72 тыс., представленную французскими властями, Ковалевский считал заниженной. Сам историк при этом оценивал действительное число русских в 100–150 тыс. [7, с. 31], снижая эту цифру до 64 тыс. на конец 30-х годов [7, с. 33]. Позднее М. Раев, опирающийся на данные комиссии Симпсона, округляет цифру в 68 тыс. до 70 тыс. [39, с. 203].

В мемуарной литературе, издаваемой в рассматриваемый период, утверждается также, что к 1923 г. из Германии во Францию перебралось 100 тыс. русских, проживавших до этого в Берлине. Так, Роман Гуль считает, что в 1920-е годы в Париже было 200–300 тыс. русских эмигрантов. При этом, по его мнению, «расцвет русского Парижа» приходился на конец 20-х годов [40, с. 73]. Однако это никак не стыкуется с реальной обстановкой конца 20-х годов. На самом деле это было время мирового экономического кризиса и ни о каком «расцвете» говорить не приходится. Напротив, на наш взгляд, в это время наблюдается отток эмигрантов (о чем свидетельствуют данные комиссии Лиги Наций), ибо рабочих мест уже не хватало для самих французов. Подтверждение тому находим в той же мемуарной литературе. «Тем, кто не знал довоенного “русского Парижа”, — писал К. Померанцев, — скажу, что положение в ней (Франции. — В. Х., Н. Т.) иностранцев не имело ничего общего с теперешним: жертвами безработицы, особенно во время кризиса 30-х гг., были, прежде всего, иностранцы, права на работу выдавались с большим трудом, а на заводах и предприятиях существовала “обязательная” норма не более 10 или 15 %» [41, с. 66]. Об этом вспоминал и Н. М. Зернов, говоря о безработице, лишавшей заработка в первую очередь русских. «Русский Париж, — писал в связи с этим живший в 15-м округе французской столицы Н. М. Зернов, — рассеялся как дым... большая волна русских беженцев, нахлынувшая в 20-е годы, исчезла» [42, с. 135]. Правда, куда она исчезла, никому не ведомо. Как указано в докладе Симпсона, Министерство труда установило максимум процента иностранцев, кому разрешалось работать легально в промышленности и на предприятиях (от 10 до 30%). Дело доходило до курьезов. Например, оркестру русской балалайки разрешалось иметь только 15% русских музыкантов, а русскому хору — 10% русских певцов [6, р. 116]. Кстати, во Франции этими вопросами взаимоотношений с иностранцами с 1925 г. занималось отдельное «Русское бюро», созданное при Министерстве иностранных дел. И только в 1938 г. было создано Министерство по делам иностранцев.

В советский период, поскольку эмигрантская тема глубоко не изучалась, мелькавшие тогда цифры были также почерпнуты из русскоязычной прессы и мемуарной литературы. По данным Большой советской энциклопедии, число белоэмигрантов во Франции, на основании различных эмигрантских источников, составляло 400 тыс. человек, а в Париже проживало до 100 тыс. человек [43, с. 162–163]. Эту же цифру приводит в своем исследовании Хантингтон, ссылаясь при этом на данные французского правительства [2, р. 299]. Симпсон в своем исследовании конца 1930-х годов считает, что число русских беженцев во Франции в последних оценках явно преувеличено. Часто мелькавшую в официальных документах того време-

ни цифру в 400 тыс. человек он считает «фантастической». По мнению Симпсона, определенным образом можно проверить различные оценки имеющимися данными по переписи населения. Согласно таковой за 1926 г., число русских во Франции измерялось показателем в 67 218 человек, т. е. не учитывало русских беженцев из Балтийского региона и Польши, поскольку они фигурировали как граждане новых государств, а не апатриды. Симпсон утверждает, что к концу 1930-х годов число русских беженцев во Франции колебалось в пределах 60–100 тыс. человек [6, р. 40, 119].

Очевидно, результаты его работы не были широкодоступны советским историкам. В исследованиях продолжали появляться завышенные данные. Так, Л. М. Спирин называет цифру в 400 тыс. (на конец 20-х годов), ссылаясь на данные Международного бюро труда [44, с. 382, 383].

В 90-е годы в литературе снова начали мелькать огромные цифры, приводимые со слов прибывающих в страну престарелых представителей первой волны эмиграции и их детей. В многочисленных интервью эти люди, к которым средства массовой информации относились с огромным пиететом, приводили все те же «заоблачные» данные о численности российской эмиграции. Так, С. Толстой поведал корреспонденту «Известий» старый миф о том, что когда-то, в 1920-е годы, в Париже поселилось 200 тыс. беженцев из России [45].

Способствовали распространению неверной информации и журналисты. В. Большаков, бывший корреспондент «Правды» во Франции в годы перестройки, приводил целых 3 цифры: в 1921 г. русских в Париже было 71 928 человек, в начале 30-х годов осталось 63 394 человека. А всего, пишет он, ссылаясь на данные комиссии Нансена, во Франции в начале 30-х годов осело около 400 тыс. человек [46], чего, как было показано в данном исследовании, на самом деле быть не могло. В остальных французских городах проживало в среднем по несколько сот, а то и меньше русских. А цифра в 400 тыс., действительно озвученная Нансеном, во многом опиралась на данные, поступавшие от эмигрантских организаций, заинтересованных, по разным причинам, в их преувеличении, в том числе для того, чтобы получать дополнительную помощь от международного сообщества.

Исследователи начала 90-х годов, таким образом, называли определенно завышенные цифры. По мнению А. Г. Соколова, который ссылаясь на официальные справочники, правда, не называя их, «только в Париже в 1921 г. находилось 72 тыс. русских», а в целом по Франции он доводит эту цифру до 400 тыс. [47, с. 12]. Другой современный исследователь Л. И. Еременко называл цифру в 250 тыс. (на август 1921 г.) [48–49]. А. В. Квакин писал о 100 тыс. россиян только в Париже [50, с. 7], ссылаясь на мемуары Л. Любимова, опубликованные в 1963 г. и не раз переиздававшиеся с тех пор, хотя в них называлась цифра в 150–200 тыс. русских, обосновавшихся во Франции после 1917 г. [51, с. 128].

Американский исследователь Р. Джонстон на основе анализа многих французских отчетов, официальных источников и проводившихся ранее исследований, считает, что, скорее всего, численность русских эмигрантов во Франции колебалась в пределах 120 тыс. человек в начале 1930-х годов [3, р. 25]. На отметке в 120 тыс. человек настаивают и С. С. Ипполитов, В. М. Недбаевский и Ю. И. Руденцова [52, с. 120–121]. Их коллективная монография «Три столицы изгнания» (М., 1999) является первой отечественной работой, в которой цифры совпадают с нашими данными: в Париже находилось 30 тыс. русских, а во всей Франции — 120 тыс. [53].

Согласно исследованию французского русиста Н. А. Струве «70 лет русской эмиграции» (Paris, 1996), сводная численность российской эмиграции составляла в 1922 г. 863 тыс. человек, в 1930 г. — 630 тыс. и в 1937 г. — 450 тыс. человек. Из них во Франции в 1922 г. проживало 8,1 %, в 1930 г. — 27,8 %, а в 1937 г. — 24,1 %, т. е. 69 903, 175 140 и 108 450 человек соответственно [54, р. 299–301]. Фундаментальное исследование Н. А. Струве — одно из первых, где представлены демографические сведения в динамике.

Один из современных историков из эмигрантской среды Катрин Гусефф внесла серьезный вклад в исследование проблемы русской эмиграции во Франции в межвоенный период [55]. На основе архивных материалов Франции, России и США, а также анализа предшествующих публикаций автор насчитывает 80 тыс. выходцев из России, нашедших приют в разных регионах страны. Эти данные являются одними из последних наработок в этой области, а потому заслуживают особого внимания.

Тем не менее явно завышенные цифры, которые фигурировали в официальных отчетах международных организаций и эмигрантской литературе, и сегодня продолжают встречаться на страницах отечественных исследований. Об этом свидетельствует появление в 2010 г. книги Р. Л. Урицкой «Они любили свою страну». Автор упоминает две цифры, о которых ей хорошо известно. Одна из них — из данных Лиги Наций на 1924 г. «о выходцах из России во Франции» — 400 тыс., а вторая — 50–70 тыс., встречающаяся в научной литературе. Сама Р. Л. Урицкая считает, что данные Лиги Наций «близки к истине» [56, с. 8]. К такому выводу ее подвели анализ и сопоставление различных документов французских архивов.

Мы же, на основании анализа эмигрантской периодики и официальной статистики, считаем, что численность русской эмиграции во Франции в межвоенный период колебалась в пределах 70–120 тыс. человек. Количественный показатель достигает своего пика в середине 1920-х годов, постепенно снижается и падает до минимума накануне Второй мировой войны и оккупации Франции. Причиной тому была сложная экономическая, а позднее и политическая обстановка, приведшая к эмиграции части русских в страны Южной и Северной Америки. Неустроенность в быту и тяжелые материальные условия большинства русских эмигрантов обуславливали высокую смертность и низкую рождаемость, так что их число естественным образом сокращалось.

О причинах столь резкого разброса сведений о численности русского населения Франции в межвоенный период в границах 70–400 тыс. человек следует сказать следующее. Для всего мирового сообщества столь массовое переселение, каким явился «русский исход» после Октябрьской революции и гражданской войны, вконец с непризнанием большевистской власти, стал вызовом XX в. При попытках оценить масштаб этого явления не было четких параметров, по которым велся подсчет русской эмиграции, будь то сведения полицейских отчетов, эмигрантских организаций или учет выданных нансеновских паспортов. Это обстоятельство обязывает нас скептически относиться как к мемуарам и материалам периодической печати, так и к данным архивов и официальной статистики. И даже выверенные по разным источникам сведения продолжают, к сожалению, носить характер относительных.

Источники и литература

1. *Delage J.* La Russie en exil. Paris: Delagrave, 1930.
2. *Huntington W.C.* The Homesick Million — Russia out of Russia. Boston: The Stratford Co, 1933. 298 p.
3. *Johnston R.H.* 'New Mecca, new Babylon'. Paris and the Russian exiles, 1920–1945. Kingston & Montreal, 1988. 254 p.
4. *Kulischer E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. New York: Columbia University Press, 1948. 378 p.
5. *Mauco G.* Les étrangers en France: leur rôle dans l'activité économique. Paris: Armand Colin, 1932. 600 p.
6. *Simpson John H.* Refugees: Preliminary Report of a Survey. London: The Royal Institute of International Affairs, 1938. 230 p.
7. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Доп. выпуск. Paris: Librairie des cinq continents, 1973. 348 с.
8. La colonie russe en France (Comte Michel Grabbé à Monsieur le Préfet de Police, Paris (Courbevoie, Seine, le 24 Janvier 1941)) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 8–25.
9. *Gessain R., Doré M.* Facteurs comparés d'assimilation chez des Russes et des Arméniens // Population. 1946. № 1. P. 99–116.
10. Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже») / публ. Д. Гузевича и Е. Макаренко, при участии И. Гузевич // Диаспора: новые материалы. Т. 8. Париж; Санкт-Петербург, 2007. С. 341–655.
11. Общее дело. 1920. 23 дек.
12. Последние известия (Ревель). 1921. 22 июня.
13. Новый мир. 1921. 14 сент.
14. Голос России. 1921. 26 июня.
15. Новый путь (Рига). 1921. 30 июня.
16. Сегодня. 1921. 27 февр.
17. Новый путь (Рига). 1921. 20 февр.
18. Новое время (Белград). 1923. 18 янв.
19. Накануне. 1923. 27 февр.
20. За свободу. 1924. 24 янв.
21. Новое время (Белград). 1924. 20 июня.
22. Дни. 1923. 4 февр.
23. Руль. 1923. 3 окт.
24. Руль. 1924. 19 окт.
25. Парижский вестник. 1926. 12 янв.
26. Голос России. 1921. 6 февр.
27. Последние новости. 1921. 12 янв.
28. Новый мир. 1921. 31 марта.
29. Последние новости. 1925. 5 июня.
30. Новое время (Белград). 1923. 13 окт.
31. *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 374 с.
32. *Тэффи Н.* В Париже // Последние новости. 1921. 19 июня.
33. *Парчевский К.К.* По русским углам. М.: ИВИ РАН, 2002. 220 с.
34. *Попова С.С.* Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России (по неопубликованным материалам военного министерства Франции) // Россия и Франция: XVIII–XX века / отв. ред. П. П. Черкасов. Вып. 1. М.: Наука, 1995. С. 196–216.
35. За народное дело. 1921. 16 апр.
36. Новый путь (Рига). 1921. 22 апр.
37. *Рубакин А.Н.* Над рекою времени. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1966. 526 с.
38. *Вербов С.* Люди, пути, тропы. (Клуб заштатных интеллигентов). Париж: [Б. и.], 1970. 501 с.
39. *Раев М.И.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939 / пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
40. *Гуль Р.Я.* унес Россию. Апология эмиграции. Т. II: Россия во Франции. Нью-Йорк: Изд-во «Мост», 1984. 351 с.

41. *Померанцев К.* Сквозь смерть. Воспоминания. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1986. 194 с.
42. *Зернов Н.* За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1972). Париж: YMCA-PRESS, 1973. 561 с.
43. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 32. М.: Советская энциклопедия, 1933.
44. *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. 1917–1920. М.: Мысль, 1968. 437 с.
45. Известия. 1990. 31 янв.
46. *Большаков В.* Русские березы под Парижем // Литературная газета. 1988. Июль.
47. *Соколов А. Г.* Судьба русской литературы в эмиграции 1920-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1991. 184 с.
48. *Еременко Л. И.* Русская эмиграция как социально-культурное явление // Обновление культуры: проблемы и перспективы. М.: Изд-во РАУ, 1993. С. 74–90.
49. *Еременко Л. И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 22 с.
50. *Квакин А. В.* Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1992. 47 с.
51. *Любимов Л.* На чужбине. М.: Советский писатель, 1963. 414 с.
52. *Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920–1930-х гг. М.: СПАС, 1999. 208 с.
53. *Хрисанфов В. И.* «Третья Россия»: миф или реальность. (К вопросу о численности первой волны российской эмиграции) // Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Луга: Лужская типогр., 1997. С. 51–54.
54. *Struve N. A.* Soixante-dix ans d'émigration russe (1919–1989). Paris: Fayard, 1996. 302 p.
55. *Gousseff C.* L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939). Paris: CNRS Éditions (CNRS Histoire), 2008. 335 p.
56. *Урицкая Р. Л.* Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 304 с.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2013 г.